

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

МЕНТ В ЗАКОНЕ
КРУЧЕ, ЧЕМ ОРУЖИЕ

Мент в законе

Владимир Колычев
Круче, чем оружие

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Круче, чем оружие / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2018 — (Мент в законе)

ISBN 978-5-04-094403-3

За городом обнаружен труп одного из бойцов местной преступной группировки. Следователь готов списать происшествие на обычную бандитскую разборку и закрыть дело, но опер Степан Круча иного мнения. У жертвы похищен пистолет, а значит, череда убийств может продолжиться. Чутье не подвело Степана: следующей мишенью стал единственный свидетель загородного происшествия, успевший перед смертью сообщить Круче, что в тот день видел жертву вместе с возможным убийцей. Имея на руках приметы преступника, опер сужает круг поиска, но вдруг понимает, что сам становится объектом охоты невидимого киллера...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094403-3

© Колычев В. Г., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Колычев
Мент в законе. Круче, чем оружие

© Колычев В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Январь. Ветер холодный, ледяной – как дыхание Деда Мороза. Снежинкам не холодно, им весело, у них сегодня Крещенский бал – взялись за руки да в хоровод, кружат, хохочут. А ветер перебирает провода на столбах, как пальцы музыканта – гитарные струны. Четыре выюжных аккорда – «за», «мо», ро», «жу». Метет выюга, а где-то на другом берегу озера ей подвывают волки. Как будто покойника оплакивают.

А покойник есть. На этом берегу.

– Кокошин Алексей Дмитриевич, – раскрыв «корочки» водительских прав, прочитал Круча. И тихонько цокнул языком. Был парень Кокошиным, а стал трупом. Отвезут беднягу в морг, пронумеруют, и с биркой на ноге – на тот свет.

А парень молодой, с пышной кучерявой шевелюрой. Он лежал на снегу, раскинув руки, замороженные глаза смотрели в небо. В груди пулевая рана, кровь там со снегом. Ветер шевелил волосы – то ли снег пытался из них выдуть, то ли распрямить кудри.

Тело уже остыло, начинает коченеть, снег на лице больше не тает. Пляж на Глубоком озере сейчас безлюден, но сторож услышал выстрел, позвонил в милицию, а так замело бы покойника снегом, только весной бы обнаружили и назвали бы «подснежником».

– Шестьдесят седьмого года рождения... Весной двадцать пять было бы... – заметил Степан.

– Сторож где? – Майор Горлов строго глянул на лейтенанта Валерьева из патрульно-постовой службы.

– Так это, греется, – старший экипажа кивнул в сторону ворот, показывая на теплую сторожку.

А Горлов в свою очередь кивнул на патрульный «уазик», стоявший с включенными «мигалками»:

– В «собачнике» мог бы закрыть, там бы и погрелся.

– Так холодно там.

– Везде холодно...

– Да он особо ничего и не видел. Услышал выстрел, выходит, смотрит машина отъезжает...

– Машина... – скривился Горлов, глянув на дорогу, которая вела к пляжу.

Ее недавно чистили – грейдер проходил, но с тех пор снегу намело порядком. И сейчас метет, от следов ничего не осталось. Тут никакой эксперт не поможет.

– То ли «семерка», то ли «пятерка».

– Или «шестерка»... Давай за сторожем! Или ты ждешь, когда тут вообще все заметет?

– Я за сторожем? – спросил Валерьев и бросил выразительный взгляд на Степана: он молодой опер, ему и бегать за свидетелями.

– Давай!

Горлов все понял, но решения своего не отменил. Не было у него такой привычки забирать свои слова обратно. А спорить с ним бесполезно. Мужик он уже немолодой, характер зачерствел со временем, да и совесть слегка усохла. Купить его невозможно, но человеку нагрубить для него – как с «добрым утром». Так что все правильно понял Валерьев, легче приказ выполнить, чем с Горловым бодаться.

Он ушел, а майор повернул голову к озеру. Лед там везде, снег, если бы не камыши, трудно было бы понять, где заканчивается суша.

– Вот и спрашивается, что он здесь забыл?

– Они, – уточнил Степан.

– Может, с бабой приезжал? – пожал плечами Горлов.

– В машине погреться? – усмехнулся Степан.

От Битова до базы всего ничего. Если бы не метель, сейчас можно было бы увидеть коробки высотных домов.

– А почему бы и нет, если печка работает.

– А ты чего стоишь? Покрывало давай тащи, – кивком показал на труп майор.

Степан кивнул. Да, надо было бы накрыть труп, пока его не замело. Как и следы вокруг него.

Кокошин был в джинсовой куртке с меховым подкладом. Куртка нараспашку, свитер типа «Boys» заправлен в широкие джинсы-трубы. В одном месте свитер вылез из-за пояса, как раз в том месте, где обычно вешается кобура. Может, у Кокошина там был пистолет, вправленный за пояс, и парня убили из его же оружия? Но если так, то он явно не простой. Возможно, бандит из спортивной молодежи. Сейчас таких развелось как собак нерезаных. А сложения Кокошин атлетического, видно, что культуризм был для него не праздным понятием. И костяшки пальцев сбиты – то ли по стене голыми руками молотил, то ли бил кого-то...

Тело у человека только на слабый удар мягкое. Чем крепче бьешь, тем сильнее сопротивление. Потому и нужно тренировать кулаки. Скат себя не щадил. Он молотил грушу, набитую песком, с диким ожесточением. На руках только бинты, а ноги и вовсе без защиты. Ногами он тоже умел – «маэ», «маваши», «хидза». Особенно хорошо удавались удары коленом, для ближнего боя самое то...

– Скат!.. – сквозь шум в ушах прорезался голос Литвака.

Скат остановился, нехотя повернулся к нему. Он терпеть не мог, когда его отрывали от дела. И если вдруг Литвак «подогнал ему порожняк», пусть пеняет на себя, сам вместо груши встанет.

– Че тебе?

– Кокошу завалили!

– В смысле, завалили?

– Ну, в смысле... завалили...

– Наглухо?

– Ага, наглухо! – осклабился Литвак.

– А чему ты радуешься? – рыкнул на него Скат.

Он уже давно понял, что с пацанами по-хорошему нельзя. По-хорошему они не понимают. Короткая матерная фраза куда лучше, чем длинное нравоучение. И одергивать их нужно всегда, чтобы хорошее настроение не застаивалось в извилинах, не размягчало мозги.

– Да не радуюсь... Кокоша в морге, мамка его в шоке. Менты подъехали, трут с ней. Как бы она про нашу качалку не сказала...

– А если скажет, то что? – хмыкнул Скат.

– Ну, подумают, что это мы...

– Кто мы?.. Ты его завалил?

– Я?!.. Нет!!!!.. Мы же с ним кореша!

– Когда его завалили?

– Ну, сегодня... Утром... Я точно не знаю когда...

– Где?

– Без понятия, у мамки его нужно спросить...

– Хорошо.

Скат задумался. Его банда за последние полгода сделала большой рывок: из уличной кодлы превратилась в реальную боевую бригаду. Как у люберецких, солнцевских, долгопрудненских. Только те центр бомбят, а он взял под себя битовскую барахолку. Там какой-то Сафрон корни попытался пустить, но Скат жестко наехал на его шарагу. Он ничуть не сомне-

вался в своей победе. И пацаны у него крутые, и стволы были. Сафрон чуть в штаны не навалил, когда увидел направленную на него пушку... Да и вообще, кто он такой, этот Сафрон? За бакланку год отмотал, думает, что царь зверей. Хрена ему!.. А Литвак отсидел два года, и по благородной статье. И понятия он знает... А Сафрон – беспредельщик... Так может, он потому и завалил Кокошу?..

– Эй, чего стоишь? – Скат удивленно глянул на Литвака.

– А что такое? – растерянно захлопал тот глазами.

– К мамке давай! Все там узнай!

– А менты?

– Если боишься ментов, бойся их в другом месте!

– Понял!

Литвак рванул к выходу, но Скат его осадил:

– Эй!.. У Кокоши «пушка» была!

Они с таким трудом нашли людей, которые подогнали им партию из десяти «тэтэх». А как они рисковали, когда брали товар. Ну, и деньги. Под это дело пришлось выставить хату одного цеховика. Вломились в дом ночью, наехали на хозяина, взяли в раскрут его жену и дочь. Весело было... У них на счету каждый ствол, а тут вдруг такая потеря... А еще у ментов могут возникнуть нехорошие вопросы.

– Ну да, была.

– Пробей, где железо. У ментов или он дома где-то заныкал.

– Угу!

Литвак ушел, а Скат озадаченно почесал затылок. Он вдруг понял, что пистолет ему дороже друга. Лишь бы только пацаны об этом не узнали.

За три года в шкуре опера Степан Круча повидал немало трупов. На первом выезде по «мокрому» эпизоду его стошнило. Глянул в обезображенное лицо покойника и не сдержался – дал волю желудочным овациям.

Но еще хуже быть посланником смерти, ее рукой стучать в чужую дверь. Сколько раз так было, и сегодня пришлось... Сначала мать Кокошина впала в ступор, затем взвыла белугой. А потом подняла Степана на смех. Ну не мог ее мальчик погибнуть, это какой-то розыгрыш. Но в морге все встало на свои места. Да, на «разделочном» столе лежал ее сын. Степан и хотел бы выйти, чтобы не смотреть, как женщина бьется в истерике, но не мог. С Ольгой Давыдовой случился обморок, нужно было приводить ее в чувство.

Он отвез женщину домой, остался с ней. И еще долго отпаивал ее валерьянкой, прежде чем та смогла хоть что-то сказать.

– Говорила я ему, не связывайся с этим уголовником... – протяжно вздохнула она.

– С каким уголовником?

– Юра Скатов... Из соседнего двора... Он когда-то Леше проходу не давал, цеплялся к нему... бил... А потом его посадили. За грабеж...

– Восемьдесят девятый год, – вспомнил Степан.

Скатова он брал своими руками. Сам вышел на него, сам взял. А суд впаял ему два года. Прокурор требовал шесть лет, но адвокат представил суду положительные характеристики. Комсомолец, доброволец, почетный тимуровец, все такое. Судья поверил, а разубедить его не удалось.

«Комсомолец» этот уже на свободе, сколотил банду из таких же «добровольцев» и уже успел «засветиться» на битовской барахолке. Заявление от кооператора поступило, деньги у него вымогали. Правда, через день заявление отправилось в обратный путь. Степан догадывался почему. Ох, непростой фрукт этот Скат. И если Кокошин был связан с ним, у него мог быть пистолет.

– Да, где-то так... Леша с ребятами спортзал в подвале открыли, мышцы наращивали, «шварценеггерами» хотели быть, – тихонько всхлипывая, проговорила Ольга Давыдовна. – А Скатов освободился, начал заниматься вместе с ним... А потом вообще стал главным... Леша постоянно пропадал по ночам... Домой выпившим приходил... Я говорю: ты же здоровый образ жизни ведешь. А он – здоровый образ для того и нужен, чтобы хорошо пить. В ресторанах пить, с девочками. Они в Москву ездили, там гуляли... Вот откуда у них деньги?

– Это вы у меня спрашиваете?

Степан обвел взглядом комнату. Гарнитурная стенка из тех, приобрести которые можно было исключительно по благу, хрусталь, богатые ковры. А в гараже была машина, не первой молодости «семерка». Была, пока ее не угнал убийца. Может, бросили ее где-то. Розыск, разумеется, идет.

Сторож видел красную «семерку». Степан лично разговаривал с ним, хотел выяснить все подробности, но, увы, сторож толком ничего не знал. Сидел в сторожке, пил чай, услышал выстрел, вышел, увидел машину, которая направлялась в сторону города. Все, больше ничего. Сколько персонажей участвовало в трагической сцене, как все происходило – никакой информации. Можно было только делать некоторые предположения. Если сторож слышал выстрел, то скорее всего стреляли не в машине. И еще на месте преступления, кроме трупа, никто не остался. Сторож бы увидел...

– Да нет... Я же догадывалась, что там не все чисто...

– Ваш сын связался с нехорошей компанией? – спросил Степан, чтобы вернуть разговор к нужной теме.

– С очень нехорошей компанией. А Леша нужен был им из-за машины. Он их всех там возил-развозил...

Степан едва заметно качнул головой. Вряд ли Кокошин был простым извозчиком, раз ему доверили оружие. Если он открывал спортзал в подвале, значит, он был на центральных ролях.

– У вашего сына был пистолет?

– Пистолет?! – встрепелась женщина. – Ну что вы такое говорите! А у него был пистолет?.. Я же знала... Знала, что добром все это не кончится!

– Вы подозреваете Скатова?

– Ну, эти пьянки, гулянки... Откуда вся эта гадость?

– Вы говорите, что Скатов когда-то обижал Алексея.

– Ну, когда это было... Сейчас они друзья... Как бы друзья... Да и нет больше Леша! – всплеснула руками Ольга Давыдовна и заплакала, закрыв ладонями лицо.

Степан поднялся с дивана.

– Вы уходите? – спросила она, не поднимая головы.

– Ну, если я вам мешаю...

Ему и самому хотелось закончить разговор, перенести его на завтра. Но в то же время он понимал, что уже сегодня может получить ключ к раскрытию преступления. Мать конкретно что-то знала...

– Нет-нет... Мне с вами спокойней... Как я буду здесь одна?.. – Она снова разрыдалась.

– Я на лестницу.

– Да курите на кухне, уже все равно.

– Я сейчас.

Степану нужна была передышка, и лестничная площадка воспринималась как глоток свежего воздуха. Он обулся, надел куртку, открыл дверь и... увидел здорового парня с акульными глазами и широким как у лягушки ртом. Плечи не расправлены, но руки слегка разведены в стороны. И это, судя по всему, была его естественная поза. Кожаная куртка на нем – дорогая, но холодная. Зато свитер под ней пуховый.

– Ты кто такой? – спросил Степан.

– Я кто такой?.. Сева я.

– Сева?

– Ну, мы с Лехой друзья... Мне бы с Лехой поговорить. – Сева заглянул Степану за спину.

– Поговорить? Можно и поговорить. – Степан переступил порог, и парень посторонился, пропуская его.

– О чем? – спросил Сева.

Степан спустился на лестничный пролет, достал пачку «Явы», предложил Севе.

– Будешь?

– Да нет, – поморщился тот.

– Не куришь?

– Ну, курю, – пожал плечами Сева.

– «Мальборо», «Винстон»?

Куртка на нем дорогая, ботинки с тупым носком явно не отечественные. И джинсы не кооперативные. Уж не на битовском ли рынке прибарахлился хлопец? Товар там знатный толкают, «челночники» валом везут. А импортные сигареты он мог отобрать у ларечницы.

– Ну-у...

– А ты к Лешке пришел?

– Ну да.

– Давно здесь?

– Ну, только подошел... А что? – Сева настороженно глянул на Степана и близоруко сощурился, всматриваясь в него. Соврал и смотрит, как собеседник на это реагирует.

– Снег на улице? – Степан кивнул на высокое окно.

– Ну, снег...

– А с тебя уже все стаяло...

Шапки у Севы на голове не было, и в руках ничего такого не было. Короткие волосы совсем сухие и на плечах сухо. Видно, давно уже в подъезде околачивается.

– Что стаяло? – занервничал парень.

Степан глубоко затянулся и, выпуская дым, спросил:

– А ты чего не возмущаешься?

– В смысле?

– Ну, кто я такой? Вышел тут с бугра, вопросы задаю...

– Э-э... Ну да, ты вообще, кто такой? – закивал Сева.

Но это лишь рассмешило Степана.

– Да знаешь ты, что я из милиции... И что Леха в морге, тоже знаешь.

– Да нет...

– И у двери давно стоишь. Разговор подслушиваешь?

– Какой разговор? – начал злиться Сева.

– Давно с Лехой дружишь?

– Ну, с детства...

– А скаутом давно стал?

– Скаутом?.. В смысле, пионером?.. Ну, был...

– В смысле, в банде у Ската.

– У Ската?!.. Э-э... – замялся Сева. – У нас не банда... У нас атлетическая секция.

– Атлетическая секция. И стрелковый кружок.

– Почему стрелковый? Мы стрелки ни на кого не переводим.

– Стрелять вы учитесь. Из пистолета. «ТТ».

– Кто сказал?

– Пистолет у Лехи был. И ты это знаешь.

– Ну-у...

– Кто Леху застрелил?

– А его что, застрелили?

Степан со вздохом качнул головой, достал из кармана наручники.

– Пойдем?

– Куда? – набычился Сева.

Судя по блеску в глазах, его сознание заработало в аварийном режиме. Не возникло у него желания сдаться на милость судьбе, но и когти показывать он пока не торопился.

– Поговорим. – Степан кивнул в сторону отделения. – По-плохому.

– Зачем по-плохому?

– Затем, что по-хорошему ты не понимаешь.

– Да не знаю я, кто Леху убил! Честное слово, не знаю! – Сева приложил руку к груди. –

Мы сами хотим узнать, кто его завалил.

– Кто это, мы?

– Ну, Скат меня прислал... Ну, может, вы что-то знаете...

– Где Скат?

– Э-э...

– Да ты не бойся, я с ним с глазу на глаз поговорю. Задерживать не стану.

– Да?

– Ну, если он ни в чем не виноват.

– Да не виноват! Отвечаю! Он не виноват!

Степан задумчиво смотрел на Севу. Этот фрукт умел петь соловьем, но ухо с ним нужно держать остро. Он ведь и в ястреба может превратиться, если его погладить против шерсти. И ударить мог, и даже за пистолет схватиться. И Скат такой же опасный тип. Но Степан все равно хотел встретиться с ним. Врага нужно знать в лицо.

Глава 2

Душа в подвале нет, зато за дверью полно свежего чистого снега. Скат щедро зачерпнул двумя ладонями, приложил снег к своей груди, стал растираться. За этим делом и застал его Литвак.

– Как водичка? – вроде бы весело, но с напряжением в голосе спросил он.

– Раздевайся! – сухо бросил Скат.

Из темноты вынырнул Яслик, подошел к ним. Куртка запахнута, на голове шерстяная шапочка, на плече сумка. Заниматься пацан пришел. А заодно командным духом подкрепиться. Скат, может, и не Алан Чумак, но мозги заряжать умел.

– Э-э, сегодня же не Крещение... – глянув на Яслика, поежился Литвак.

– У тебя, может, и не Крещение, – усмехнулся тот. – А Кокоша бабу в прорубь повез.

– В какую прорубь? – резко глянул на него Скат и, повернувшись, зашел в подвал.

Яслик и Литвак потянулись за ним.

– Ну, на Глубоком...

– А что за баба?

– Не знаю... Я ее раньше не видел...

– А когда видел?

– Ну сегодня, утром... Он к Афонычу в ларек заехал, «пузырь» у него взял.

– Сегодня?

– Ну да... Мне в Москву надо было, я попросил довести, а он за деньгами полез. Извини, брат, довести не могу, хочешь, я за такси заплачу...

– Зачем ты это мне рассказываешь? – скривился Скат.

Яслик был отменным бойцом, махался лучше всех. И подраться любил. Но Скат не считал его смелым. Он точно знал, что Яслик очень боится тюрьмы, и видел в этом его слабость, потому и не брал на серьезные дела. Когда цеховика ходили выставять, Скат взял на дело Кокошу, а Яслика даже не позвал. И в Москву Яслик ездил учиться. Институт он этим летом оканчивает, радиотехнический. А толку от этого? Если бы он радиостанцию портативную смог бы смастерить, так нет, ума, говорит, не хватает. И руки под боксерские перчатки заточены. Зато высшее образование будет... Если до лета доживет.

И еще Ската раздражала жадность Яслика. Снега зимой у него не выпросишь. Он скорее удавится, чем на такси в Москву поедет. Потому Кокоша и полез в карман за бумажником. И думал при этом, какой Яслик чмо.

– Так я не взял!

– Короче, он тебя послал?

– Ну, не послал... – надулся Яслик, потом добавил: – А баба там в машине сидела... Красивая! Я ее в Битове ни разу не видел... А у меня тут все красивые телки наперечет.

– Он ее к проруби повез?

– Ну, он в принципе шутил. Сказал, что на озеро едут. Сначала в «иорданке» искупаются, а потом согреются... – Яслик выразительно щелкнул пальцами по горлу.

– Я не понял, тебе че, весело? – спросил Скат, внимательно глядя на пацана.

– Ну а чего! Я бы такую девочку покрестил! – ощерился Яслик.

– Это, Скат, с тобой встретиться хотят, – вмешался в их разговор Литвак.

– Кто?

– Мент... Я там в подъезде стоял... – Сева махнул рукой в сторону дома, где жил Кокоша. – А он выходит... Здоровый такой! Ты, мол, что здесь делаешь, все такое...

– Короче!

– Ну, он поговорить с тобой хочет...

- С чего бы это?
- Если ты думаешь, что я тебя сдал...
- А если думаю?
- Да не в жизнь! – Литвак стукнул себя кулаком в грудь.
- Когда он хочет поговорить?
- Да прямо сейчас.
- И ты пришел это мне сказать?
- Ну, так он сюда же не пойдет, – пожал плечами Сева.
- Нет? – Скат глянул на входную дверь.

Она сейчас открыта – заходи, кто хочешь... И мент мог вломиться. Да не один. Нагрянут всей своей шарагой, повяжут тут всех. Скат ментовки не боялся, но лучше обойтись без этого.

- Он там остался, у Ольги Дмитриевны... Она ему там на тебя капает.
- А что она знает?
- Да ничего... Да, мент про ствол спрашивал... Ну, про тот, который у Кокоши был...

Скат качнул головой, глядя на Литвака. Не надо было ствола на руки раздавать. Тайник нужен, такой, чтобы хрен кто взломал. И стволы надо было возвращать прямо сейчас. Вдруг менты облаву на его пацанов устроят, возьмут их с оружием, предъявят статью и начнут колоть.

Этим сейчас и надо бы заняться. А мент – пусть «чесет лесом». Не собирался Скат идти к ним на поклон. Сами пусть за ним побегают.

- А у меня волины нет, – вздохнул Яслик.
- А Кокошу ты из чего завалил?
- Я?! Кокошу завалил?!
- Это же ты на Глубоком озере с ним был, – ухмыльнулся Скат. – Ты его и завалил.
- Да нет! Я же в Москву поехал! В институте там весь день был... Я в автобусе с Катькой

Щекиной ехал, она подтвердит...

- С Катькой?
- Ну, Кокоша со своей бабой уехал, а я с Катькой... Блин, а его что, убили?
- Давай, Яслик, колись... Может, я не стану тебя наказывать, – пожал плечами Скат. – Если сможешь обосновать. Может, Кокоша сам на тебя наехал, а?..

Честно говоря, Скат Кокошу не жаловал. Ценил, да, но не любил. Это у него еще с ранних лет. Кокоша был типичным маменькиным сынком, а таких Скат терпеть не мог. Это потом Кокоша человеком стал, но неприязнь осталась. Да и сам Кокоша его недолюбливал. И, возможно, даже мечтал всадить нож в спину. Может, и хорошо, что его не стало.

Забор высокий, по верху – колючая проволока, причем под снегом. Сафрон не заметил ее, зацепился, и колючка больно впилась в руку.

- Твою мать! – шепотом выругался он.

Обернулся, зло глянул на Гонщика. Разозлился он и на себя. Нашел кому поверить. Гонщик, он потому и Гонщик, что гонит, как дышит, – никакой, мол, колючей проволоки, ни собак.

Псов и правда не слышно. Но так в такую погоду собака носа из будки не высунет. Мороз, ветер. И дует, и свистит, и уши отмораживает... Но именно в такую погоду и нужно выходить на дело.

Сафрон пересилил себя, удержался от желания прыгнуть обратно. Но с забора легко можно слететь. Высоко, скользко, и еще эта «колючка». Как на зоне...

- Он наконец перевалился через забор, прыгнул вниз.

Гонщик был следующим. Сафрон показал кулак, когда его голова показалась над забором. Только пусть попробует сдать назад! Гонщик уже собирался прыгивать, когда со стороны дома в снежной круговерти смутно мелькнула тень. И тут же послышался собачий лай. Но

Сафрон уже держал в руке молоток. Им он и ударил пса по голове, после того как тот цапнул его за руку.

Сначала он ударил, а затем понял, что на него напал щенок. Вроде бы и овчарка, но щенок. Два точных удара, и короткая собачья жизнь оборвалась.

Ступор поскользнулся, перемахивая через забор, зацепился за проволоку курткой, падая, потянул ее за собой и на какое-то мгновение завис.

– Сука!

Быюга подхватила его крик, унесла в темное небо. Сафрон глянул на Ступора, а Гонщик тронул его за руку и показал на дом.

Свет не зажегся ни в одном окне, но дверь открылась. На крытое крыльцо вышел человек – в тулупе, с ружьем.

– Замри! – скомандовал Сафрон.

Они приземлились в темном углу двора плюс к тому их скрывала еще и снежная пелена. Но человек с ружьем все же заметил их. Во всяком случае, направился в их сторону. А место открытое – ни кустика, ни деревца. Только сугробы.

Можно было лечь в снег, но Сафрон сидел на корточках. Нельзя шевелиться. Само чутье подсказывало, что спасти их могла только выдержка.

И еще можно было выстрелить в хозяина дома. Но у Сафрона не было пистолета. Он в общем-то для того и решил ограбить цеховика, чтобы раздобыть денег на оружие... Помнил, как отмороженный Скотт передернул затвор «ТТ» у него на глазах. И у его пацанов были «пушки». Тогда, на «стрелке», Сафрон ощутил себя полным ничтожеством. Даже на зоне с ним такого не было.

– Эй, кто там? – крикнул мужик и стал приближаться.

Сафрон не шевелился, Гонщик и Ступор также не двигались, а темнота мешала их разглядеть, к тому же на головах у всех троих маски.

Мужик подошел к Сафрону вплотную и только тогда понял, что перед ним человек.

– Стреляю! – крикнул он, прежде чем нажать на спуск.

Но было уже поздно. Сафрон вскочил, в один прыжок сократил дистанцию до нуля и рукой ударил по стволу. Грянул выстрел, но пули ушли в заснеженное небо. А следующим ударом он сбил с ног самого мужчину и вырвал у него ружье.

Мужик попытался подняться, но Сафрон замахнулся на него, собираясь ударить прикладом ружья, а потом приставил ствол к его груди:

– В дом давай!

– Ну сколько можно! – поднимаясь, простонал тот.

– Пошел!

Гонщик и Ступор уже хозяйничали в доме, когда Сафрон ввел туда парализованного страхом «цеховика». Они вывели в каминный зал его домашних – жену и дочь. Женщин усадили на диван, Гонщик встал с одной стороны, Ступор – с другой. Сафрон толкнул на них мужика, тот упал перед ними на колени, обнял обоих так, как будто хотел закрыть своим телом.

– Эй, кровью своих баб заляпаешь! – крикнул Сафрон, приставив ружье к его затылку.

В доме было тепло и тихо, но ему все казалось, что вокруг шумно кружится снег. Может, потому он и заорал.

– Что вам от нас еще нужно?! Мы же все вам отдали! – простонал мужик.

– Кому ты что отдал?

– Деньги! Или вы думали, что я за этот месяц еще заработаю?

– Кому ты деньги отдал?

– Вот только не надо! – Хозяин дома осторожно повернулся к Сафрону.

– Что не надо?

– Вы же перед Новым годом приходили, все забрали.

- Во заливает! – засмеялся Ступор.
- Если бы вы просто приходили... – вдруг заговорила девушка, прожигая троичку взглядом.
- А кто не просто приходил?
- У отца нет денег...
- С дивана она поднималась плавно, но при этом так быстро, что Гонщик не успел ее удержать. А Сафрон запоздало навел на нее ствол.
- Ну, давай стреляй!
- На место!
- Я тебе не собака!
- А ты глянь, что с твоим щенком стало! – Сафрон кивнул на окно.
- Хозяйская дочь вела себя слишком нагло, и он просто обязан был ее напугать.
- Сволочи! – сквозь зубы процедила она.
- Лена! – одернула ее мать.
- Села, я говорю! – гаркнул на нее Сафрон.
- Да пошел ты! – Лена села и ладонями закрыла лицо.
- Кто не просто приходил? – обратился Сафрон к мужику.
- Бандиты, – кивнул тот. – Такие же, как вы.
- Мы не бандиты.
- А кто же вы?
- Мы это, из ОБХСС!
- Конфисковали все! – вскинул руки мужик. – До последней копейки!
- У скота своего спроси!
- Лена! – Одной рукой мать вцепилась дочери в ногу, другой закрыла ей рот.
- У какого скота?
- Вы ослышались, – качнул головой «цеховик». – Лена хотела сказать у Ската.
- У Ската? Мы из другой конторы. – Сафрон растерянно зыркнул на Гонщика. И здесь Скат его опередил.
- Ну, нам-то все равно, – протяжно вздохнул мужик. – Нет у нас денег!
- Так не бывает.
- Сафрон окинул взглядом зал. Дом двухэтажный, комната большая, камин из какого-то особого камня выложен, и мебель дорогая.
- Бывает! Тут такое было... Я все до копейки выложил!..
- Только это не помогло, – качнула головой Лена.
- Сафрон все понял. Захороводили бабу, «на круг» пустили.
- Скат – беспредельщик.
- А вы – ангелы?
- Мы такими делами не занимаемся...
- Ну конечно!
- Ты же мехом занимаешься! – кивнул на цеховика Сафрон. – У тебя должно быть «бабло».
- Нет ничего!
- Давай так, ты нам заплатишь, а мы грохнем Ската.
- Ага, а потом меня посадят. За организацию убийства, – скривился мужик.
- За дочь отомстишь.
- А ты за меня не переживай... Ты за себя переживай, – едко усмехнулась Лена.
- Я?! За себя?!.. Ты много говоришь, девочка... Потому и допрыгалась.
- Пошел вон! – вспылила она.
- Лена! – выкрикнула мать и снова закрыла ей рот ладонью.

И на Сафрона глянула, умоляя пощадить неразумную.

– Ну так что, платишь за Ската?

– Чем?

– Ну, займешь...

– Не у кого.

– Жадный ты... А скупой платит дважды... И своей дочерью.

Сафрон и не собирался насиловать девушку, а намекнул на возможные последствия ради «красного словца». Но Лена восприняла все всерьез.

– Только попробуй! – резко поднялась она.

Сафрон опустил ружье, подошел к ней вплотную:

– Не нарывайся, целей будешь. Поняла?

– Поняла она все, поняла, – закивала мать.

– Тогда уходим.

Двор они покидали через калитку. Ружье Сафрон воткнул в сугроб у самого выхода. Ему пистолеты нужны, а не учтенный в ментовке охотничий ствол.

– Козел!

– Зря мы его не трянули... – буркнул Ступор. – Стопудово, у него «бабло» есть.

Сафрон беззвучно выругался себе под нос и посмотрел на Гонщика:

– Это ведь ты наводку палевую дал!..

– Так я откуда про Ската знал?

– Заткнись!

Некогда было разбираться с Гонщиком. Ноги нужно было уносить. Вдруг мужик позвонит ментам? А до машины еще метров сто...

Глава 3

«Семерку» нашли на окраине Битова. Преступник бросил машину во дворе высотного дома и ушел. Не забыв стереть отпечатки пальцев, если они были. Степан все утро обходил жильцов дома, пытался найти свидетелей, но таких не нашлось.

А после обеда Степан отправился на Республиканскую, в четвертый микрорайон. Так и не привели ему вчера Скатова, сказали, что нет его.

Спортзал находился в подвале девятиэтажного дома. И найти его можно было по стрелке, над которой красовалась масляная надпись – «Бомбоубежище». Других вывесок перед входом не было.

Дверь, за которой начиналась лестница, была открыта. И дальше Степан никаких препятствий не встретил. Переступил порог и услышал стук ударов. Кто-то нещадно молотил по груше. На звук он и направился – по длинному освещенному коридору. Прошел мимо одного отсека, миновал другой. Дверей там не было, помещения пустовали, никаких плакатов и специального оборудования он не увидел. Подвал строили именно как бомбоубежище, но до ума не довели.

– Стоять! – вдруг раздалось сзади.

Смещаясь в сторону, Степан стал разворачиваться. Предосторожность оказалась напрасной. Здоровяк с красным от нагрузки лицом всего лишь отрезал ему путь, но нападать не собирался.

– Я тебя знаю, – сказал он, глядя на Степана. – Ты – мент.

От волнения его лицо стало еще более красным, но голос не дрожал. И взгляд не поплыл.

– А я тебя нет... Значит, хорошо себя ведешь.

– Зачем пришел? – спросил красномордый.

– Здесь вопросы задаю я, – надавил на него взглядом Степан.

– С чего бы это? – послышалось за спиной.

Степан узнал голос. Скатов тяжело дышал, но говорил расслабленно, без особого напряжения.

– Хотелось бы знать, по какому праву вы занимаете спецпомещение, – спокойно повернулся лицом к Скатову Степан.

– Разрешение у нас есть, – сказал тот, смахнув полотенцем пот со лба.

А полотенце казенное, из тех, которые выдают в армии, в зоне.

– Вафельное? – спросил Степан, жестом обращая внимание на полотенце.

Он знал, кто такой Скат, поэтому нашел, чем сбить его с толку. А то слишком наглый стоит перед ним, самоуверенный. Накачался, натренировался, думает, что пуп земли. А выглядит он действительно внушительно. И сложения атлетического, и лицо грубой выделки – черты крупные, тяжелые, нос кривой от природы.

– Чего?

– Полотенце, говорю, вафельное?

– В клеточку. – Глянув на своего дружка, Скат забросил полотенце в помещение, откуда вышел.

С места, где стоял Степан, была видна скамья с подставкой для штанги.

– Небо в клеточку, дружка в полосочку, – усмехнулся он.

– Много говоришь, лейтенант, – зло глянул на него Скат.

– Старший.

– Ага, я тут книжку читал, «Навеки девятнадцатилетние» называется. Там тоже старший лейтенант был. Так старшим лейтенантом и остался.

– Ты в зоне, гляжу, совсем борзым стал.

– А кто меня туда отправил?

– Так думал, ума наберешься. А ты наглым стал. И тупым.

– Слышь, ты!..

– Ты с кем разговариваешь? – нахмурился Степан и стремительно надвинулся на Ската. Тот напрягся, собираясь отразить натиск, но в самый последний момент дрогнул, сдал назад. Это разозлило его еще больше. На Степана он глянул с ненавистью.

– А я ничего такого не сделал, чтобы ментов бояться.

– Что здесь у вас? – Степан продолжил движение.

Он входил в зал не только для того, чтобы осмотреть его. Прежде всего он сдвигал Ската, заталкивал его дальше.

Зал не очень большой, но два боксерских ринга здесь бы уместились. Пока же стоял только один – самодельный. Здесь же «груша» на цепи, макевары на стенах, скамья для штанги.

Степан ударил по «груше», посмотрел на кулак. Костяшки на пальцах он не сбил, но после удара слегка покраснели. Слишком уж жесткая «груша».

– Что, больно? – усмехнулся Скат.

– У тебя вроде как защита, – сказал Степан, глянув на его ладонь, обмотанную эластичным бинтом.

– Я могу и без нее.

– Как Кокошин.

– А что Кокошин?

– Да руки у него сбиты... Или он с кем-то подрался?

– Я ничего не знаю, – сквозь зубы процедил Скат.

– Как это не знаешь? Ты же главарь, ты должен обо всех знать.

– У вас в ментовке тренеров главарями принято называть?

– У нас принято называть вещи своими именами.

– Ты хоть понимаешь, что можешь здесь остаться? – набычился Скат.

– Ты этого не говорил, я этого не слышал.

– Слышал.

Степан кивнул, сунул руку под куртку, ловко выудил из кобуры пистолет. Вынимал он его медленно, неторопливо, внимательно наблюдая за Скатом. Не было у того времени, чтобы остановить его. Ни времени, ни дистанции.

– Страшно стало? – ухмыльнулся бандит.

– Страшно стало тебе. Потому что у тебя пистолета нет, – покачал головой Степан и неторопливо вытащил наручники.

– Откуда у меня пистолет?

– Свой пистолет ты далеко спрятал. А вдруг обыск?

– Не было у меня никогда пистолета... Ну, если только заправочный... – Скат опустил голову и глянул вниз. – Тебе заправиться не надо?

Степан нажал на спуск, пуля с оглушительным грохотом ударилась в пол, отрикошетила, стукнулась в стену над головой у красномордого. Тот аж присел от испуга.

– Эй, ты чего? – сошел с лица Скат.

Выстрел в закрытом помещении – шоу не для слабонервных. В ушах и гудело, и звенело – все разом.

Степан резко бросил ему наручники. Скат дернулся, поймал их.

– Надевай!

– С каких это буюв?

– Ну, если не хочешь нормально говорить здесь, поедem в отделение.

– Мне с тобой не о чем говорить.

Скат глянул на своих дружков и кивком показал на выход. Те не заставили себя долго ждать.

– Кто Кокошина убил?

– Баба какая-то была. – Скат нахмурил брови, удивляясь самому себе. По своему же разумению, он не должен был откровенничать с ментами, но слово – не воробей.

– Баба?

– Ну, он с ней на озеро поехал.

– Купаться?

– Купаться... – кивнул Скат. – В проруби.

– В проруби? – усмехнулся Степан.

– А вы там прорубь не видели? У нас традиция такая, на Крещение моржевать... А Лехе, видать, понравилось. Он бабу туда свою повез.

– Купаться?

– Согреться. – Скат шелкнул пальцами по горлу.

– Что за баба?

– Не знаю.

– Только не подумай, что я тебе поверил.

– У Сафрона спроси.

– У какого Сафрона?

– А у кого банда на втором районе?

– И что я должен у него спросить?

– Зачем он бабу Лехе подсунул. А затем, чтобы она его к озеру вывезла. Там Сафрон его и грохнул.

– Барахолку не поделили?

– Какую еще барахолку? – скривился Скат.

– Я смотрю, ты большой любитель «дурочку» валять... Давай ты будешь заниматься этим под одеялом.

– Не смешно! – кисло глянул на Степана Скат. Не нравилось ему, что инициатива выскользнула из его рук.

– Не было никакой бабы, – качнул головой Степан.

– Не веришь – не надо.

– Заставь поверить.

– Зачем?

– Ты что, не понимаешь? У тебя судимость... И Кокошина ты обижал...

– Когда я его обижал? – вскинулся Скат.

– В детстве.

– Нашел, что вспомнить!

– Мотив есть. И судимость никуда не делась... Слышал песню про то, как опера криминал шьют?

– У вас ничего не выйдет.

– Почему?

– Сейчас не тридцать седьмой год. Я свои права знаю. И алиби у меня есть... И у меня, и у Яслина...

– У Яслина?

– Олег Яслин. Он видел, как Леха «бухло» покупал. И баба у него в машине сидела... Вчера видел, утром. Тот сказал, что на озеро едет.

– Я могу поговорить с Яслиным?

– Нет. – Взгляд у Ската вдруг заледенел и подернулся туманом.

– Почему?

– Я его вчера убил.

Степан вскинул брови, удивленно глянув на него. Судя по выражению лица, Скат не врал.

– Я подумал, что это он Леху убрал.

– Подумал и наказал?

– Да, на этом самом месте. Где ты стоишь. Там еще кровь осталась.

Степан глянул вниз, и это рассмешило Ската.

– Что, купился? – хохотнул он.

– Ну, с тебя станется. – Степан постарался скрыть растерянность.

– Яслик сейчас в Москве, вечером будет, на тренировке... Еще вопросы есть?

– Ну, если девушка не «липовая»... – пожал плечами Степан.

– Свободен! – Скат протянул ему наручники и кивком показал на выход.

Но Степан не спешил покинуть помещение.

– Может, разомнемся? – спросил он, кивнув за плечо.

– На ринге? С тобой? – загорелся Скат.

– Это долго. А надо по-быстрому... Я ударю тебя, ты ударишь меня. Посмотрим, кому хуже будет.

– Ты уверен?

– Только в лицо не надо... – Степан распахнул куртку, подставляя под удар грудь.

Скат и выглядел мощно, и ударить мог со страшной силой – опер очень рисковал. Но так хотелось «умыть» этого недоноска с непомерными амбициями.

– Ну, смотри.

Сбылось наихудшее предсказание: Скат ударил с такой силой, что у Степана остановилось сердце. Он физически ощутил, как оно, всхлипнув, замерло. И дыхание застопорилось.

– Ну как? – оскалился Скат.

Степан удивленно глянул на него. А чего это он, интересно, радуется? Они же не в очереди стоят, где место можно передать кому-то другому. А Степан уже готов его «отоварить», да по полному прейскуранту.

– Готов? – спросил он.

– Да легко! – Скат расправил плечи.

И тут же в грудь ему врезался кулак. Степан бил со всей силы. Понимал, что нельзя так делать: служебный долг не велел. Но удержать в себе злость, смешанную с диким азартом, не смог. Поэтому и ударил от всей души.

Скат умудрился удержаться на ногах. Лишь слегка подался назад и глянул на Степана с насмешкой, дескать, ничего страшного. Но в следующую секунду его глаза закатились, он стал падать и бухнулся без сознания на пол. Но сердце билось, Степан лично это проверил, прежде чем уйти.

Дружки Ската смотрели на него свирепо, с тревогой, но никто не посмел встать у него на пути. А их скопилось порядком, человек семь-восемь. И они могли оставить Степана в своем подвале навсегда.

Дымно в кабаке, накурено, как в тюремной камере. Но там пиво не подавали, там только чифирь. А еще никакой свободы. Зато сейчас – делай что хочешь. В пределах своих возможностей. Только вот пределы эти ужатые. Люди есть, а стволов нет.

– Ската, говорят, менты прессуют, – затагиваясь, проговорил Гонщик.

– Гонись! – глянув на него, хмыкнул Сафрон.

Кабак на автовокзале – его точка. Здесь он самый главный... Только вот хозяин этой кооперативной забегаловки не хочет освобождать зал под него. Платить согласен, а клиентов лишаться – нет. В принципе он прав, не будет посетителей – не станет и выручки. С чего тогда

отстегивать? Но все равно обидно. Сафрон хотел, чтобы во время его визитов кабак пустел. Может, когда-нибудь так и будет. А пока приходится терпеть всяких калдырей...

– Да нет. У них же там Кокошу завалили. Ската подозревают...

– И что?

– Мент к нему вчера приходил. Ну, на «четверку». Говорят, прямо в подвал и зашел.

– Мент? Или менты?

– Мент. Один.

– В подвал?.. Он что, самоубийца?

– Ската избил.

– Ската?! Избил?!.. У него в подвале?... Кто тебе такую дичь прогнал, Гонщик? – засмеялся Сафрон. Уж он-то точно знал, насколько можно верить этому балаболу.

– Жук своей телке прогнал, а она с моей сестрой в одной шараге...

– А Жуку можно верить?

– Ну, он в зюю вчера был...

– Значит, нельзя.

– Ну, не знаю, – с обидой глянул на него Гонщик. – За что купил...

– За что ты купил? У тебя «бабки» есть?

– Ну-у...

– Только трепаться умеешь.

– Да ну тебя! – психанул Гонщик. – Реально мент был. И Ската вырубил. Забились они, кто кого вырубит. Сначала Скат ударил, а потом мент... Там все по чесноку было.

– И мент вырубил Ската?

– Здоровый мент.

– И Жук об этом растрепал?

– Ну.

– Я любого урою, кто про меня так солжет.

– Это же хорошо, что у Ската фуфло всякое в команде...

– Фуфло не фуфло, а в команде... – в раздумье проговорил Сафрон. – Надо пулю запустить, что Жук на Ската пролил... Кокошу же они за что-то грохнули?

– И Жука могут грохнуть, – кивнул Ступор.

– Бей своих, чтоб чужие боялись, – осклабился Сафрон.

– Ну да.

– Пусть менты их дальше прессуют... А мы пока барахолку возьмем.

– Ты это серьезно?

– А ты думаешь, Скат к нам на разбор со стволами подъедет?

– Со стволами.

– А менты?

– Класть он на них хотел!

– Понты это. Для своих.

Гонщик поднялся, вышел из зала, но тут же вбежал обратно. Нахохленный, встревоженный, движения быстрые, энергичные.

– Менты там! – с ходу выложил он.

Сафрон напрягся, даже привстал на стуле. Так вдруг захотелось заорать: «Шухер!». Но сдержал предательский порыв.

– И что?

– Да нет... Просто тот самый мент...

– Какой тот самый?

– Ну, который Ската вырубил.

В кабак вошел рослый парень с широким лицом и высокими скулами. Тяжелые надбровья, крепкий нос, чугунный подбородок. Взгляд пронзительный, цепкий. С ним был второй, но попроще, двигался неуверенно, терялся в толпе. Вроде бы высокий, не хилый, а невзрачный. Зато первый парень пер как танк. Не останавливаясь, он окинул взглядом зал, зацепился за Сафрона, вонзился в него и стремительно направился к его столику. Подошел, сел на свободный стул. И вдруг стал спокойным, смирным как тихоня, следовательно в районной прокуратуре.

– Ты – Сафрон?

– Ну, допустим.

– А ты кто? – Степан посмотрел на Ступора. И не просто посмотрел, а навалился на него взглядом.

– Никто.

– Тогда свободен!

– А ты кто такой?

Сафрон глянул на Ступора с удивлением и легкой завистью. Сам-то он не догадался задать такой вопрос.

– Старший лейтенант милиции Круча. Уголовный розыск... Тебе не нужна свобода?

– Нужна, – буркнул Ступор и глянул на Сафрона. Он и хотел бы исчезнуть, но как оставить своего бригадира без поддержки?

– Пивка с Чубчиком попей, – Сафрон кивком показал на столик у самого входа, за которым сидел спившийся завсегдатай кабака.

Ступор поднялся, но к Чубчику не подсел, а переместился за другой, свободный стол. Гонщик присоединился к нему. Второй мент продолжал стоять неподалеку от него.

– Поговорим? – посмотрел Круча на Сафрона.

– А мы что делаем?

– Пиво пьем.

– Пиво я пью.

– Пей. Пока можешь.

– А что не так?

– Все не так. Живешь не так, ведешь себя не так.

– Нормально живу.

– Банду сколотил.

– Какая банда?

– Клуб по интересам... По шкурным интересам, – немного подумав, добавил Степан.

– Давай конкретно. Что тебе надо?

– Я слышал, ты девочками занимаешься, – сказал мент.

– Дичь!

Сафрон едва сдержал возмущение. Он действительно взял под свою опеку двух сутенеров – Стасика и Алика. За малую мзду. Они ребята закаленные, уже года два как проститутток в Москву возят. Таких в угол лучше не загонять. Да и не работали они в Битове, просто жили здесь, и девочки отсюда. Раз менты уже в курсе, значит, есть «стукачок» среди своих. Надо выявлять.

– Одну свою путану в машину к Кокошину подсадил, – настаивал Степан.

– Никого я не подсаживал, – мотнул головой Сафрон.

– А кто такой Кокошин? – с подвохом спросил Круча.

– Ну, я знаю, кто такой Кокошин... Он со Скотом трется... Убили его, говорят.

– Кто говорит?

– Кто говорит... – небрежно усмехнулся Сафрон. – У нас тут везде уши... Говорят, ты, старлей, вчера со Скотом бодался. У него в подвале. И не надо меня на «непонятках» ловить, я не маленький, кушаю без слюнявчика.

– А обляпаться все равно можешь.

– Это вряд ли.

– Уже обляпался... Девочку твою видели в машине у Кокошина. Он с ней на озеро поехал.

Там его и убили...

– Какую мою девочку? Покажи, где она? – обвел рукой зал Сафрон.

– Всему свое время.

– Девочка, может, и была, но не моя...

– А чья?

– Девочка... – в раздумье повторил Сафрон. – Может, девочка его и грохнула.

– Думаешь?

– Скот – беспредельщик! И Кокошин – такой же!.. Они девок «лохматят» только в путь!

Может, какая-то и отомстила!

– Беспредельщики?

– Я все сказал. Больше мне добавить нечего.

– И стволы есть?

– Ну вы бы пошарились у них по нычкам... – оживился Сафрон.

– Значит, есть стволы, – Круча пристально смотрел на него. – Если вдруг что-то узнаешь по этому делу, звони.

– Я в народной дружине не состою.

– Ты состоишь в картотеке уголовников. А рядом стоит картотека нераскрытых дел.

– Это что, намек? – нахохлился Сафрон.

– Стимул, – продолжал сверлить его взглядом Степан.

Сафрон попытался, но не смог выдержать этот взгляд.

– Ну, я могу тебе помочь... Если ты поможешь мне... Узнаю что-нибудь по этой теме, я скажу... А ты от меня отстанешь, договорились?

– Узнай. И скажи, – усмехнулся Круча, поднялся и вместе с напарником ушел.

К Сафрону тут же подсели Ступор и Гонщик.

– Ну что там?

– Он – наш, – с барской небрежностью обронил Сафрон.

– В смысле, наш?

– Если вдруг что, прикроет... А мы найдем того, кто Кокошу «завалил».

– Да?

– Это в наших интересах... Менты думают, что это мы, а нам это надо?

– Нет.

– Вот и я думаю, что пора за дело браться! – взбадривая себя, сказал Сафрон. Хватит чувствовать себя лохом, когда можно стать королем.

– Убийцу искать? – спросил Гонщик.

– Барахолку под себя отжимать!

– Ты это серьезно?

– Давай, брат, поднимай братву! Нас ждут великие дела! – расправляя плечи, прогрохотал Сафрон.

Менты лишь слегка его зацепили, а Скату досталось конкретно. Он сейчас наверняка затихарился, нос в землю зарыл. Почему бы этим не воспользоваться?

Глава 4

– Ты зачем в качалку ходил? – спросил майор Горлов у Степана.

– Поговорить.

– Там же сплошь хулиганье...

– Хулиганье?!

– А ты не знал?

– Да нет, это не хулиганье...

Это бандиты. Самые натуральные бандиты.

– Ну, насчет пистолета ты был прав. – Горлов смахнул со стола лист и бросил перед собой. – На свитере обнаружены следы оружейной смазки.

– Есть у них пистолеты... И пистолеты, и планы.

– А как же здоровый образ жизни? – усмехнулся Игорь Афанасьевич.

– Да нет, анашу они не курят... Планы у них на Битово. Рынок уже рэкетируют.

– Рэкет. Детская болезнь капитализма, – скривился Горлов.

– Эту болезнь лечить надо.

– А лекарства?.. Вон в Москве что происходит, стреляют, взрывают...

– У нас то же самое назревает.

– Докажи, что Кокошина убил Скатов, мы его задержим и посадим.

– Хорошо бы.

– Плохо то, что ситуацию до такого безобразия довели. Обидно. Сами ведь страну развалили.

– Ну, не сами...

– А когда шестую статью отменили... Партбилеты раздали, ручкой помахали. Здравсте, приехали! Хоть бы кто возмутился! Все радовались! Как же, членские взносы платить не надо!.. А путч в августе? Хоть бы кто поднялся! Страна развалилась, а никому и дела нет...

– А кто нас спрашивал?

– Еще спросят... Время спросит... Ты вот говоришь, бандиты, рэкет. Поверь, это еще цветочки. Скоро такое начнется...

Степан не успел ничего ответить. Открылась дверь, и в кабинет вошел начальник РОВД.

– Массовая драка у нас на Пролетарской! – сказал подполковник Кузовиков. – Все – на выезд!

Он повернул назад так же быстро, как и вошел. Стремительный, энергичный, подтянутый. Недавно ему исполнилось сорок пять, на пенсию уже пора, но уставшим от службы он не выглядел. И рвение у него как у молодого.

Кузовиков и раньше отличался молодецким задором, а сейчас он просто вынужден был гарцевать перед подчиненными. Чтобы начальство видело. Там, на верхах, шли процессы, сравнимые с великим переселением народов. Из стран бывшего Союза возвращались кадровые офицеры, их нужно было как-то размещать. А за счет кого?.. Вот Кузовиков и боялся слететь со своего места. Потому и «рвал задницу».

На «массовку» начальник РОВД поднял все отделение. И, как оказалось, не зря. Перед входом на барахолку наблюдалось самое настоящее побоище. Крепкие накачанные парни с ожесточением молотили друг друга, в ход шло все – ножи, арматурины, цепи. Двое уже лежали без движения, еще один выползал из столпотворения с проломленной головой.

Все бы ничего, но с появлением патрульных машин толпа не разбежалась. Включили сирены, но и это не помогло. Степан рванул в толпу, схватил здоровяка в кожаной куртке, но тот вырвался и замахнулся на него. А в кулаке шипованный кастет.

Степан блокировал удар, захватил руку, провел подсечку. Громила упал. Но на него набросился его противник. Глаза бешеные, рот перекошен. В руке – стальной прут. Степан готов был отразить нападение, но за спиной грохотнула очередь из автомата. Только тогда толпа пришла в чувство. И превратилась в стадо. Побежали все, и Скат, и Сафрон.

Степан навалился на громилу, заломал его, надел наручники. И рванул за Скато. Но тот уже выскочил на дорогу, где стояла «шестерка» с открытой дверью. Вместе с ним в машину запрыгнули еще два бандита. Взбывая снег, «шестерка» сорвалась с места и понеслась прочь. Степану оставалось только записать номера.

Бандиты бегали быстро, а сотрудники почему-то не очень-то хотели их догонять. Урожай был более чем скромный – всего трое задержанных. Плюс труп и двое раненых. И свидетелей почему-то не оказалось. Степан своими глазами видел людей, которые издали наблюдали за побоищем, но все они куда-то исчезли. Впрочем, такое положение вещей давно перестало его удивлять.

Голова раскалывалась от боли, перед глазами плыло, тошнило. Это все Скат. Хоть бы слово сказал перед тем, как ударить. Нет, появился, и сразу же понеслось. Он метил в челюсть, а Сафрон подставил ему под удар лоб. Кость не треснула, не проломилась, но контузило сильно. Странно, как это не помешало ему потом отбиваться от Ската на «автопилоте». И нормально отбивался. Губа разбита, нос распухает, но все это мелочь. И сам он Скату пару раз вломил. А потом еще и от ментов убежать пришлось. Нормально все. Только непонятно, за кем рынок остался... Может, все-таки за ними?

Скат ответил жестко, не вопрос, но рынок отбить не смог. И дело даже не в ментах. Скату не хватало людей, чтобы отбросить Сафрона с его командой. Он бы отступил...

– Сантика жаль, – ощупывая челюсть, проговорил Гонщик.

Машина стояла у въезда в Ковальцы, в деревню, где жил так и не ограбленный ими «цеховик». Место отличное. Слева Битово, с двух сторон сосновый бор, а с третьей – озеро. Только вот опасно здесь: менты в любой момент могут нагрянуть. Да и живописными местами любоваться не было желания. Голова отбита, болит.

– Да, может, жив.

Сафрон вышел из машины. Так вдруг захотелось свежего воздуха. Его повело в сторону, он облокотился на багажник, удержал себя от падения. Взял жменю снега, одну половину съел, другую приложил к распухающему носу.

– Точняк! – подошел Гонщик и тоже приложил снег к фингалу.

– Может, жив Сантик? – с надеждой спросил Сафрон.

– Да вряд ли... Заточка точно в горло зашла. Там без вариантов.

– Кто?

– «Ключник» его кликуха... Я его знаю, на бокс вместе ходили.

– Сход надо будет собрать. Ключника – на нож.

Сафрон просто обязан был спросить за смерть своего пацана. Или брат просто перестанет его уважать.

– Панихиду в честь Сантика надо устроить, – сказал Ступор.

Ему повезло больше всех. Махался он не лучше других, но на лице ни одной царапины.

– Ну, ты в натуре! – с насмешливым восхищением глянул на него Сафрон.

– На барахолке... Сантик должен знать, что погиб не зря!

– Ну, ты задвинул! – И Гонщик глянул на Ступора с восхищением.

– А что я не так сказал?

– Может, просто митинг устроим? – насмешливо спросил Сафрон.

– На рынке.

– На кладбище, – вздохнул Гонщик и вдруг встрепенулся: – Какая-то тетка за рулем.

Сафрон проследил за его взглядом и увидел бежевую «девятку», подъезжавшую к ним. Двигатель работал как часики, слышен был только шорох колес. А за рулем действительно сидела женщина. Или даже девушка... Девушка Лена.

Перед глазами у Сафрона плыло, но все-таки он уловил знакомые черты. Да и ее глаза ни с какими другими не спутаешь.

Лена вышла из машины, но отходить от нее не стала. И дверь не закрыла.

– Может, сойдете с дороги? – спросила она, настороженно глядя на него.

Сафрон и сам не понял, как направился к ней. Очнулся, когда до открытой двери можно было дотянуться рукой.

– Привет, Лен! – улыбнулся он.

– Привет, – оторопело кивнула она, глядя на него большими от удивления глазами.

– Не узнаешь?

– Э-э... Нет, – качнула головой Лена.

Она оказалась умнее Сафрона. Было у нее желание сказать «да», но разум велел ей ответить «нет». Ничего не видела, ничего не знаю...

Лица его Лена действительно не видела, но голос-то запомнила. Не могла не запомнить.

– А мы щенка хотели тебе привезти.

– Какого щенка?

– Ну, извини, дурака сваяли...

– Не понимаю. – Лена мотнула головой и начала садиться в машину, но Сафрон удержал дверь, чтобы она не могла внести ноги в салон. Они у нее слишком длинные. Стройные ножки в черных лосинах. А лакированные сапожки так изящно обегали голень...

– Да все ты понимаешь. И боишься.

– Конечно, боюсь! – сдалась она.

– Да мы не опасные... Мы же вас не тронули...

– Потому что денег не было.

– Потому что тебя Скот обидел... А мы с ним враги. – Сафрон провел рукой по носу.

– Да, рожи у вас, я смотрю... – кивнула она. – Это Скот вас так?

– Ну, не сам же. Стенка на стенку... За тебя дрались, – соврал Сафрон.

– Так я тебе и поверила, – хмыкнула Лена, но все же улыбнулась.

С женским интересом во взгляде.

– А ты куда-то собралась?

– На Северный полюс.

– Через Москву?

– Ну, не через Битово же.

– Можно и через Битово. Там у нас не хуже, чем в Москве...

– Как-нибудь в другой раз.

Лена потянула на себя дверь, выразительно глядя на Сафрона. Но он не хотел ее отпускать. Голова у него по-прежнему кружилась, но контузия уже ни при чем.

– А если я влюбился в тебя? – спросил он.

– И как, срабатывает? – едко усмехнулась она.

– Что срабатывает?

– Заманушка твоя.

– Это не замануха...

– Мне ехать надо.

– А давай встретимся как-нибудь.

– Нет у нас денег, Скот все забрал, – качнула она головой.

– Да не нужны мне деньги... А если нужны, то не ваши.

– Не бойся, я никому ничего не скажу.

- Да я не боюсь.
- Я поехала?
- Так мы встретимся или нет?
- А если нет?.. – качнула головой Лена и вдруг добавила: – Ты знаешь, где я живу.
- Да?.. Ну ладно...

Сафрон широко открыл дверцу, чтобы Лена смогла занести ноги, и направился к своей машине.

- Эй! – донеслось вслед.
- Но он лишь махнул рукой. Не надо ему одолжения.
- Ну как знаешь!

Слышно было, как хлопнула дверь. А Сафрон подал знак пацанам, чтобы они сошли с дороги.

- Все нормально? – спросил Гонщик, внимательно глядя на него.
- И Ступор, глядя вслед удаляющейся «девятке», был озадачен не меньше.
- Ну, если она Ската не сдала, почему она сдаст нас?
- Логично. Но все равно...
- Поехали! – оборвал Гонщика Сафрон.

Горлову не повезло. Своего бандита он задержал, но тот врезал ему локтем в челюсть. Перелома не было, но кость болела. Впрочем, его это, скорее, радовало, чем печалило. Появился законный повод поднять настроение. Степан и не хотел к нему присоединяться, но пришлось. И Слава Малыгин не заставил себя уговаривать.

- Раньше сразу разбегались... – вздохнул Слава.

Он был хорошим сыскарем, сообразительным и настойчивым, но при этом старался избегать ситуаций, связанных с риском для жизни. Более того, улавливал опасность нутром, может, потому и не было его в отделении, когда Кузовиков поднял всех по тревоге. А в задании он принимал участие, так что не придерешься.

– Разбегались. Потому что сдуру дрались, – кивнул Степан. – А сейчас они дерутся за деньги...

- За деньги.

– Сколько на рынке торгашей, и с каждого по «штуке» в день, а то и больше... Мы вдвоем за год столько не заработаем.

- Это хорошо, что у них огнестрельного не было... – уныло произнес Слава.
- Вот видишь, а ты говорил, что не надо было к бандитам ходить, – усмехнулся Степан.

Позавчера он хотел взять с собой Славу, но тот увильнул от вылазки в тыл врага. Зато вчера Степан заставил его идти на автовокзал.

– Ты не так понял, – качнул головой Малыгин. – Я сказал, что без улик идти к ним глупо...

- А с уликами надо задерживать и допрашивать в отделении.
- А разве Малыгин не прав? – спросил Горлов.
- Прав. Причем на все сто процентов... Но как бы то ни было, Скот стволы с собой не взял.

- Так, может, и не было у них стволов... Один только и был, у Кокошина.

Степан промолчал. Зря он про стволы заговорил. Со стороны это смотрелось как хвастовство своим героизмом... Тем более что на всю банду у Ската действительно мог быть только один пистолет. Хотя вряд ли. Кокошин не самый основной игрок в бандитской команде. Он ближе к рядовому, чем в главному. А пистолет у него был. Значит, и у Ската был. И у Литвака мог быть...

– Ну что, будем расходиться? – закуривая, сказал Горлов. – А завтра с новыми силами. Убивца искать...

Время уже действительно позднее – половина девятого. Да и у Степана, если честно, что-то не было особого желания рвать и метать, чтобы найти бандита, который убил в драке человека. Но делать нечего, надо браться за работу. Свидетелей со стороны нет и вряд ли будут, поэтому придется отлавливать бандитов, выбивать из них свидетельские показания. А это все равно что свиней стричь, визгу много, а толку мало.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Кузовиков. Степан глянул на него без особого удивления. Кузовиков редко уходил со службы после девяти вечера.

– Сидим?

– Так дел столько, Александр Григорьевич, – неторопливо поднимаясь, сказал Горлов.

– Раньше таких дел не было, – кивнул Кузовиков. И вдруг резко посмотрел на Степана. Так он обычно смотрел на подчиненного, перед тем как сделать выговор. – Круча, где ты был сегодня днем?

– Как где?... Убийцу ищем. Убийцу Кокошина.

– С Сафроновым разговаривал?

– Ну да.

– Поддержку ему свою пообещал, да?

– Какую поддержку?... Я насчет Кокошина спрашивал... Вы же сам видите, какие у него отношения с бандой Скатова. Человека сегодня убили...

– Почему убили? – все так же строго спросил Кузовиков.

– Драка была.

– А почему драка была?

– Из-за рынка... Ну, вы же знаете.

– Знаю. Потому что лично задержанного допрашивал. И знаешь, что он сказал? Старший лейтенант Круча приходил, у него, мол, личные счета со Скатовым. Что Сафронов может делать с ним все, что угодно. Поддержка будет.

– Не говорил я такого! – Степан глянул на Малыгина, обращаясь к нему за поддержкой. Но тот стоял и смотрел на Кузовикова, а на Степана не обращал внимания.

– Сразу после вашего разговора Сафронов отправился собирать своих бандитов. А сегодня он бросил их на рынок. Чем это закончилось, вы, товарищ старший лейтенант, прекрасно знаете.

Кузовиков перешел на «вы». Дурной знак. А Малыгин молчал.

– Я говорил со Скатовым, он сказал мне, что в машине у Кокошина была девушка. С ней он и отправился на озеро. И еще сказал, что это Сафрон заманивал Кокошина на озеро... Я поехал к Сафронову...

– Почему вы не вызвали его к себе?

– Как? Его сначала найти надо было... Я нашел.

– И предложили ему союз. Против Скатова. У вас был с ним конфликт?

– Конфликт?... Да нет, обычные трения, между сотрудником и уголовником... Это же я когда-то его задержал. Он два года отсидел.

– Вы его ударили?

– Ну, на спор.

– Вы спорили с подозреваемым?!

– Ну, в этом я не прав, – согласился Степан.

– А в чем правы?

– Никакой союз я Сафронову не предлагал.

– Не предлагал, – наконец заговорил Малыгин. – Я присутствовал при разговоре старшего лейтенанта Кручи с гражданином Сафроновым. Старший лейтенант Круча интересовался

девушкой, которая находилась в машине у Кокошина. Сафронов сказал, что ничего не знает. Но пообещал ее найти, если старший лейтенант Круча оставит его в покое. Я бы не назвал это взаимным сотрудничеством.

– Так и было? – куда более мягким тоном спросил начальник РОВД.

– Так точно, так и было.

– Ну, хорошо... – Кузовиков начальственно глянул на Степана и направился к двери, движением руки увлекая за собой Горлова.

– Что это было? – спросил Степан, когда она закрылась за начальством.

– Что это было? А русская народная песня – «Не лез бы ты, сокол ясный, поперед батьки в пекло!»

– Да?

– Да... Думаешь, что самый умный и самый смелый? Не видишь, что вокруг творится?

– Ну, что вокруг творится, я прекрасно вижу.

– Видишь. Но не понимаешь... Бардак вокруг, никому ничего не надо. Потому и страну профукали.

– Давай короче, – поморщился Степан.

Он и сам знал, что еще до развала страну и общество охватила странная апатия. Никто ничего не хотел делать, все ждали какой-то манны небесной. И милиция не была исключением. Сначала профукали люберецких, которые терроризировали Москву бесконечными на нее наездами. Потом вспыхнула война за Рижский рынок. Люберецкие схлестнулись с солнцевскими, долгопрудненскими. И чеченцы сбились в волчьи стаи. Битово эта волна тоже не обошла стороной. Сафрон, Скат... Идет война за битовский рынок, и никто ничего не может сделать. Сафрона искать надо, Ската, брать их за жабры, но Кузовиков почему-то наехал на Степана. Нашел крайнего. Обидно.

– Про закон сохранения энергии слышал? Если где-то прибыло, значит, где-то убыло. Там, где закон, там убыло, а где беззаконие, там прибыло...

– Я не хочу мириться с тем, что прибыло. Если канализация забилась, ее нужно прочищать.

– А она снова забьется... Не станет Ската, появится кто-то другой... А у нас людей – раз-два и обчелся. И с транспортом проблемы...

– Волка ноги кормят.

– Мы не волки. Мы псы государевы. Наше дело на цепи сидеть и ждать, когда нас на волков спустят.

– Я не хочу ждать. И хочу, чтобы Скат на цепи сидел. И Скат, и Сафрон.

– Посадишь одних, появятся другие... Один в поле не воин.

– Почему один? А ты? – усмехнулся Степан, давая понять, что не особо надеется на Славу.

– Тут система нужна.

– Мы и есть система.

– Ну, хорошо... Посмотрим, какая команда будет... – качнул головой Малыгин. – Что-то мне подсказывает, что это дело с дракой спустят на тормозах. Виновных простят, невиновных накажут, все как обычно.

В кабинет вошел Горлов и сразу вперил взгляд в Степана:

– Убийством Кокошина ты больше не занимаешься.

– Есть!

Ответ прозвучал настолько четко, что майор завис в раздумье. Ну не мог Степан сказать это на полном серьезе. А он смог. От обиды. Он, можно сказать, жизнью рисковал, а ему пинка под зад дали – как нашкодившему псу.

– Мы и без тебя справимся... – как-то не очень уверенно проговорил Горлов.

- А убийство Иванова?
- Ну, насчет него разговора не было, – пожал плечами майор.
- Это ведь бандитов отлавливать надо. А у нас и людей не хватает, и с транспортом проблема.
- И людей мало... – согласно кивнул Горлов.
- А сам я к бандитам не пойду. Скажут потом, что я за каким-то личным интересом к ним приходил.
- Дело не в интересе.
- А в чем?
- Опасно с ними связываться. Это организованная преступная группировка. Вооруженная. И очень опасная. Ты сам видел, как они сегодня от нас побежали... Они уже нас не боятся...
- Мы их будем бояться... Я пойду? – Степан выразительно посмотрел на часы.
- Домой?
- Ну, не Сафрона же ловить. Мы с ним теперь союзники.
- Ты это брось! Никто тебя ни в чем не винит... Просто ситуация такая. Все на взводе.
- Ну да, мы же теперь просто Россия. Перестановка, ротация кадров. Утряска, усушка... Я все понял.

Степан замолчал. Хотя очень хотелось объяснить причину, по которой Кузовиков наехал на него. Переживает он очень, боится, что его спровадят на пенсию. Кадры из бывших республик прут в Москву валом, все хотят хорошо устроиться, в ход идут личные сбережения, порой немалые. Потому и старается Кузовиков создать благоприятную картинку. Нет у него в районе организованной преступности, есть мелкие уличные банды, которые иногда сходятся между собой в жестоких драках. И убийство Кокошина – это обычная бытовуха... А вот если вдруг убьют старшего лейтенанта Кручу, вот тогда поднимется волна. Вот тогда Кузовиков точно слетит со своего места. Именно поэтому Степан должен уговориться. Для этого его и отстранили от дела, в котором фигурируют бандиты новой формации.

А Горлову просто не хочется связываться с бандитами. Человек устал, его тянет на покой, на дачу, где он сможет спокойно варить сливовый самогон...

- Ничего ты не понял, – качнул головой майор.
- Я пойду?.. Завтра много работы. На Парижской Коммуне квартиру выставили.
- По квартирам тоже нужно работать.
- Лишь бы наши бандиты в этом не были замешаны. А то даже не знаю, как быть... С ними же нежно нужно. Как с детьми неразумными, да? – не сдержавшись, все-таки съязвил Степан, закрывая за собой дверь кабинета.

Глава 5

Ветер стих, снег больше не сыплет, но мороз только усилился. На улицу лучше не выходить, да Сафрон туда и не рвется. Ему и в баньке хорошо. Гонщик все организовал. И парилка жаркая, и «поляна» конкретная, а водочка после сауны идет как по маслу. На столе – сыр, колбаса, сало, вареная картоха, зеленый лук пучками. Еще бы черной икорки... А еще лучше – выложить на стол пистолет. Небрежно достать, небрежно бросить, небрежно поглядывать на вороненую красоту.

- Со стволами проблему так и не решили, – задумчиво проговорил он.
- Да, надо что-то делать, – кивнул Гонщик.
- Перестреляют нас, к черту...
- Ну, есть один вариант.
- Опять гонишь?
- Ну, там вилами по воде...
- Сомневаешься?
- Ну, не все так просто, – замялся Гонщик.
- Это хорошо, что ты сомневаешься... Говори.
- Бабка у меня под Харьковом живет. А это уже, считай, граница.
- Курица не птица, бабка – не граница?
- Да не бабка... Город у них там небольшой, но военкомат немаленький. Солидный такой военкомат, ну, на вид. Людей много. В смысле, военных.
- А не военные – не люди?
- Люди. Но безоружные. А у каждого вояки – ствол. И стволы в дежурной комнате хранятся. Я там через стекло видел, как они оружейку вскрывают. Сигнализацию при мне отключили. Кнопка на пульте, капитан при мне нажал...
- Предлагаешь военкомат выставить?
- А что? Это же не ментовка. Там ночью один только дежурный. А стволов штук десять, не меньше, а может, и больше... Это я про пистолеты. А еще автоматы есть.
- С дырками. И сбитыми бойками, – заметил Ступор.
- Ну, может, и так... – не стал спорить Гонщик. – А пистолеты реально боевые. Стволы, маслины, все дела.
- Граница, говоришь?
- Граница. Но без границ. Границы там еще не оборудованы.
- Возьмем там, привезем сюда. Если что, скажем, хохлы продали. Пусть сами разбираются! – загорелся Сафрон.

Сколько ниточке ни виться, конец все равно будет. Все это в общем-то правильно, только вот ниточка может виться бесконечно долго. Бывает и такое, но не со всеми. Цуцику, например, не повезло. Конец его ниточки закончился у барышника по кличке Тухлый, у которого изъяли краденый телевизор «SONY». Тухлый дал показания, осталось только взять Цуцика. Но сделать это было непросто. Не было его дома, вторую неделю не появлялся.

А сегодня Степан взял и заехал. На своей старенькой «Волге», которую он унаследовал от деда. Модель «двадцать четвертая», возраст – двадцать четыре года. Сегодня утром Степан забрал ее из ремонта. Хорошая машина, только песок с нее сыпется. Старость – не радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.